

ОБ ОЧАПОВСКИМ С. С. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ОЧАПОВСКИЙ Самуил Стефанович, родился в 1873. Получил среднее образование. Священник, проживал в селе Хойнико Гомельского округа, служил в местной церкви. 28 апреля 1927 — арестован, 16 октября приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Кзыл-Орду.

В сентябре 1928 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена.

<18 сентября 1928>

«Глубокоуважаемая и добрейшая
Екатерина Петровна¹!

Простите, что я отваживаюсь беспокоить Вас своим письмом. Я слышала, что Вы много делаете добра и, находясь в крайне тяжелом положении, решила обратиться к Вам, и со слезами просить Вас ходатайствовать об освобождении моего мужа, священника Хойникской церкви Гомельского округа БССР, Самуила Очаковского из ссылки.

Выслан он постановлением о высылке от 16 октября 1927 года Особым Совещанием при Московском ОГПУ в Казахстан, город Кзыл-Орду на три года, считая с 28 апреля 1927 года. Его обвинили в хранении и распространении контрреволюционной переписки. Случилось все это, должно быть, по ложному доносу, от которого никто не застрахован, или какому-то недоразумению; так как никогда никакой ни политической, ни контрреволюционной переписки у моего мужа и в доме не было, и вообще в политику он не вникал и никогда ею не занимался. Когда был у нас обыск, то лица, его производившие, все искали какую-то бумагу и спрашивали ее друг у друга и сказали в конце обыска, что нет. Взяли же только бывшие у моего мужа, как у благочинного, и лежавшие на столе распоряжения епархиального епископа Тихона Гомельского, управлявшего епархией из ссылки. Так как в первой своей бумаге епископ Тихон написал, что управление епархией и переписка ему разрешены, и что он по-прежнему считается епископом Гомельским. Так как переписка эта получалась по почте и, исходя от лица высланного, должна была проходить через цензуру, а особого распоряжения, запрещавшего ее, не было, то муж и не предполагал, что это не дозволительно, тем более что переписка эта носила чисто религиозно-нравственный, официальный характер. Ничего ни политического, ни контрреволюционного в этой переписке не было, и отвечать за нее мой муж ни в коем случае не может. Скорее может отвечать за нее сам епископ Тихон, да лица, разрешившие ему управлять епархией. Никакой интимной переписки с епископом Тихоном у моего мужа не было и не могло быть, так как он не только знаком с ним не был, но даже никогда его не видел. Лица, производившие у нас обыск, сказали нам, что ничего предосудительного у нас не нашли, и чтобы мы с дочерью не плакали, так как муж едет в Речицу только на допрос и со следующим поездом домой вернется. Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что он арестован и содержится в Речице в исправ<ительном> доме. Следствие тянулось полгода. Полгода больной, 55 летний старик содержался под стражей и пользовался скудным тюремным столом, от чего страшно ослабел. Комиссия признала его больным и к высылке не годным, но он все-таки был выслан в Казахстанскую Республику и находится теперь в городе Туркестане. Когда его везли в ссылку, произошло крушение поезда. Локомотив и семь вагонов разбились. Что должен он был почувствовать в этот миг. Как молния промелькнула в его голове мысль о неминуемой смерти. Смерть в степи,

¹ Неправильно названо отчество Екатерины Павловны Пешковой.

занесенной снегом. Никто из родных не найдет могилы и не придет поплакать над ней. Семья оставленная без крова и без всяких средств к жизни... Но каким-то случаем вагон с арестованными хотя немного и пострадал, но ехавшие о нем вспомнили...

Все пережитое страшно отразилось на здоровье моего мужа, тем более что у него больное сердце. Приехал он в Туркестан больным без куска хлеба и копейки денег, так как бывшие у него деньги были взяты в Москве на хранение. Положение его было тяжелым, и знакомых никого. Куда идти, где взять квартиру, пропитание без денег? Целый месяц он спал на земляном полу. Заняться физическим трудом он не мог ввиду слабости здоровья, а другой работы не мог найти в совершенно незнакомом ему городе, и теперь ее не имеет, хотя канцелярист он хороший. Вообще, нам как-то не везет. Другие священники и дома на своих приходах оставили родственникам, которые кормят их семьи, и сами в ссылке устроились на приходах, а мы остались беззащитные. Приход мужа занял человек с каменным сердцем, который за все время не дал нам куска хлеба. Родственников близких, которые бы помогли нам, мы не имеем, и я с дочерью осталась на произвол судьбы. Хотя мы и с средним образованием, но должностей никаких не занимаем — некому за нас похлопотать, и не имеем ничего определенного, а живем случайной работой и не знаем, будет ли она у нас завтра или нет, а это все равно, будет ли у нас завтра хлеб или нет. Так как мы здоровья слабого, то на тяжелую работу не годимся, а вышивка белья, платьев, полотенец, рисование узоров для желающих вышивать, над которыми мы просиживаем дни и ночи, дают нам очень мало, так как оплачивается эта работа в провинции плохо и мало кому нужно. Нам же необходимо заработать не только себе на пропитание, квартиру и дрова, но и послать нашему страдальцу, который нуждается уже теперь не только в пропитании, но и в белье, одежде и обуви. Ведь он уже год и четыре месяца как уехал из дому и лишен возможности лично взять вещи, а взятое с собой все уже изорвалось. Положение отчаянное! У нас кончается срок прежней квартиры. Платить дальше нечем. Хозяйка, зная нашу бедность, боится нам сдавать. Приближается зима. Прошлую зиму у нас такой холод был в квартире, что стенные часы останавливались, стрелки покрывались инеем и не могли двигаться. От тяжких морозов зимой и холода мы с дочерью переболели. Я чуть не умерла. Приглашенная ко мне докторша сказала, что положение мое безнадежное, и что я на третий день умру, и отказалась меня лечить, говоря, что она должна спешить туда, где может еще оказать помощь. Фельдшер оказался добрее и навещал меня до тех пор, пока не поставил на ноги. Но после тяжелой болезни я очень исхудала и ослабела. У меня остались ежедневные боли в правой стороне желудка, спине и левой ноге, на которой в прошлую осень открывалась вена. Сердце, по словам доктора, у меня работает плохо: через два удара перебои и появилась задышка. При таком состоянии здоровья я не могу спать и тяжело работать, а лечиться нет средств. Надвигающейся зимы я не переживу при таких условиях. Тяжело нам переносить холод <...>².

С 1928 по 1932 — о смягчении участи Самуила Стефановича Очаповского много раз обращались за помощью в Помполит³.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 222. С. 376-377. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 228. С. 179-181; Д. 379. С. 311; Д. 401. С. 159-161; Д. 432. С. 168, 189-190; Д. 483. С. 38; Д. 885. С. 90-92.